

Толмачи похода принца Ханса Датского к Москве в августе-октябре 1602 г.

История приезда в Московское царство датского принца Ханса (Ханса Голштинского) летом – осенью 1602 г. довольно хорошо разработана [Селин, 2017а] и документирована прежде всего в начальной его стадии (подготовка к приему и прием принца в Ивангороде и Великом Новгороде боярином М.Г. Салтыковым и думным дьяком А.И. Власьевым), а также в трагической заключительной стадии (прием принца в Москве и его кончина). Путь же принца от Новгорода к Москве, выстроенный по необычной траектории (не через Торжок и Тверь, а через Старицу) исследован гораздо хуже. Основными источниками для изучения этого пути являются документы Посольского приказа¹. Важную роль играют также открытые и опубликованные Ю.Н. Щербачевым записки секретаря датского посольства А. Гюльденстиерне, сопровождавшего принца Ханса [Щербачев, 1908; Селин, Закржевская, 2018].

Вместе с тем состав толмачей, обеспечивавших приезд принца Ханса, дают отличную иллюстрацию к сформулированному А.В. Лаврентьевым (и думаю – верному) тезису о формировании в кругах, близких Борису Годунову, особого служилого чина – «московских торговых немцев» [Лаврентьев, 2016]. Именно такая концептуальная рамка позволяет понять, как именно менялось российское общество в период «между кризисами», в 1584–1605 гг. Одновременно в городах толмачами и переводчиками служили посадские люди и дети боярские. Именно они ранее привлекались и к практике ведения переговоров государственного характера, к примеру – тяззинским 1592–1593 и 1594–1595 гг.

Общей организацией встречи принца Ханса в 1602 г. в российских пределах занимались М.Г. Салтыков и А.И. Власьев, а непосредственно сопровождать принца от Ивангорода до Москвы должны были приставы кн. Семен Кропоткин и Иван Судаков (из новгородских помещиков). Но важнейшей фигурой, особенно

¹ РГАДА. Ф. 53. Оп. 1. 1602 г. Д. 1.

перед встречей принца в Ивангороде, был Гаврило Бекетов, новгородский сын боярский, побывавший в плену в 1570–1580-е гг.² и там обучившийся «немецкому» (видимо, именно немецкому языку городов Северной Ливонии) настолько, что в ходе тязвинских переговоров 1590-х гг., находясь в Ивангороде, практически еженедельно контактировал с представителями Шведского королевства [Селин, 2019], а в начале июля 1604 г. получил указание догонять выехавшее из Ивангорода посольство де Логау, так как при нем не было переводчика³. В письмах немецкоязычных дипломатов и переводчиков он именовался Габриэлем Савиновичем [Ульяновский, 1990].

В начале лета 1602 г. он уже ждал в Ивангороде боярина М.Г. Салтыкова и дьяка А.И. Власьева (знакомых с ним по первым тязвинским переговорам), прибывших в город только 16 июля. В дни подготовки к встрече принца Ханса Бекетова послали из Ивангорода навстречу Салтыкову и Власьеву. 2 июля 1602 г. Бекетов сообщал государевым посланцам, «что вышли в Ивангород на государево имя немцы, а сказывали, что литовские люди Ракабар взяли тому недели с две и больше, а Кольванские места воевали, а ныне идут к Ругодиву на осад, а чаяли их быть к Ругодиву к 1 июля с четверга на пятницу в ночи»⁴.

С Салтыковым и Власьевым из Москвы ехал свой, главный переводчик, Клаус Савастьянов. Именно он осуществлял основную коммуникацию с принцем и его свитой, имея, по всей вероятности, особое поручение от царя Бориса Федоровича. Личность Савастьянова (изначально, видимо рижского купца К. Берга), его службы в Московском царстве и особая близость к Борису Годунову обстоятельно рассмотрены в статье А.В. Лаврентьева [Лаврентьев, 2006]. И в ходе поездки принца Ханса к Москве любой так или иначе сложный вопрос, связанный с коммуникацией Салтыкова с датчанами, стал ответственностью Савастьянова. О Савастьянове

---

² «Во 114-м году в Иванегороде Гаврило Бекетов бил челом государю, а сказал: был де он в полону в Свее 11 лет, а из полону вышел в 97 году, а государева жалованья поместья за ним учинено без верстанья за полон и за службу в Водской пятине 400 чети, а велено ему быть в Иванегороде на время для толмачества свейского языку» – Десятина Водской пятины 1605 года // Известия Российского генеалогического общества. 1911. № 4. С. 472.

³ ПДС. Т. 2 (с 1594 по 1621 г.). СПб., 1852. Стб. 913.

⁴ РГАДА. Ф. 53. Оп. 1. 1602 г. Д. 1. Л. 44–52.

как об одном из царских переводчиков при миссии принца Ханса писал и Аксель Гюльденстиерне [Шербачев, 1908].

15 июля 1602 г. в Наровское устье вошли три корабля: «одно из Кольвани, другое голландские земли, третье датское». Для разведки к устью послали именно К. Савастьянова. Особенное значение для послов имел, разумеется, датский корабль, про который Савастьянов сообщил, что «шкипер на нем Индрик Пилштик с товаром торгового человека Берн Ширмана, пошел из Капнагава тому 10 день». По словам шкипера, вскоре из Копенгагена должно было прийти еще 8 кораблей — это и было посольство во главе с принцем Хансом, «а садитца деи королевичю в караблю тотчас». По словам шкипера, причина задержки принца заключалась в том, что король выдавал свою сестру замуж за «сайского курвистра, да и для того, что чают на море свейских розбойников»⁵. Сбор сведений в Ивангороде не ограничивался только известиям от экипажей входящих в Наровскую гавань кораблей. Торговавший в Нарве «московский немчин Ерема Бракал» дал Салтыкову и Власьеву известия от «немчина Томаса», привезшего из Копенгагена имущество посланников Ивана Ржевского и дьяка Постника Дмитриева, что в Нарве скоро ожидаются девять кораблей из Датской земли с королевичем и свитой в 800 человек⁶, а также, будто бы — имперский посол⁷.

Ждать пришлось больше трех недель. Только 10 августа М. Б. Боборыкин и толмач Г. С. Бекетов сообщили послам, что «пришли де блиско устья в становище шесть караблей, а на них прапоры червчатые, а другая де, государь, шесть караблей стоят в море, а идут де как губою, и стрельба де с тех со шти караблей великая, чаять... что те карабли датцкие»⁸. Съездившие навстречу кораблям Боборыкин и Бекетов сообщили «в пятом часу дни» что в Наровское устье пришли пять датских кораблей с принцем Хансом. Объявлять о скорой встрече его московские послы отправили перед собой, однако, не Савастьянова, но толмача Бекетова с детьми боярскими⁹.

Для въезда принца в Ивангород подготовили специальное судно, «а на судне зделан чердак, изнутри подволочен до лавок бархатом червчатым, а от лавок до помосту и помост слан ковры, а верх у чердака покрыт сукном багрецом, а набой у судна и по набоем

⁵ Там же. Л. 74–75.

⁶ В свите принца Ханса и в посольстве было 342 человека [Лунд, 2017].

⁷ РГАДА. Ф. 53. Оп. 1. 1602 г. Д. 1. Л. 74–75.

⁸ Там же. Л. 76–77.

⁹ Там же. Л. 78–79.

решетки, покрыты красками розными», которое в Наровское устье доставили новгородцы А. Сназин. С. Апрельев и толмач Г. Бекетов, для свиты и имущества принца выделили еще 30 больших и малых судов. Самого Ханса встречали на открытом месте в шатрах близ Ивангорода. Имя толмача с русской стороны не названо, хотя, несомненно, он должен был присутствовать. Упомянут отвечавший дьяку Власьеву датчанин «дохтур Грегориус». Видимо, именно толмач (им в этот раз, полагаю, должен был бы быть Клаус Севастьянов), подсказал Салтыкову и Власьеву, что в титул принца в речи датского посольства добавлено указание на то, что он «дедич и наследник Норвеские земли»¹⁰.

В приграничном Ивангороде служили и другие толмачи, по всей вероятности – из посадских людей. 17 августа 1602 г. в отписке ивангородских воевод в Посольский приказ упомянут толмач Тишка Леонтьев, который, посетив Нарву, встречался там со старостой Якушом Чаповским. Именно из этого разговора, со ссылкой на жену нарвского наместника «Пентея Лаврентьева»¹¹, в историографию вошло известие о том, что будто бы принца Ханса до Ивангорода (и Нарвы) провожал его старший брат [Щербатов, с. 209–211], ночевавший в Наровском устье («а в Ивангороде никто его не ведал», а 12 августа будто бы прибывший в Нарву к наместнику, с которым пировал «в Вышегороде день» (при том, что нарвский наместник будто бы для встречи этого принца взял с нарвских жителей «три бочки ренского»)¹². В связи с этим пушки Наровской крепости дали салют, а извещенные о приезде принцев дерптские власти прислали в Нарву 400 человек пехоты¹³.

Тот же толмач Тишка Леонтьев и его известие о втором датском принце (названном по имени «Ириком») упомянут в доносе ивангородских властей на первого своего воеводу кн. В.И. Ростовско-

¹⁰ Там же. Л. 91–96.

¹¹ Видимо, Бенгт Ларссон. В историографии о таком наместнике Нарвы не упоминается. Очень осторожно предположу здесь, что это мог бы быть Бенгт Ларссон Йерта (Bengt Larsson Hierta), женатый на Марии Торкелсдоттир Грийс (Maria Torkelsdotter Grijs). Он воевал в Ливонии на стороне Карла Сёдерманландского в 1600–1601 г. и скончался в 1602 г. Место кончины неизвестно [Szabad, с. 447]. Цит. по: URL: <https://www.wikitree.com/wiki/Hierta-40> (дата обращения: 09.05.2023). Других представителей шведских высших чинов с таким именем и «отчеством» в 1602 г. неизвестно.

¹² При том, что когда ранее ивангородские власти пытались найти в Нарве на продажу хоть немного рейнского вина, то потерпели фиаско.

¹³ РГАДА. Ф. 53. Оп. 1. 1602 г. Д. 1. Л. 113–115.

го: упрекая того в разных служебных проступках, второй воевода Т. Вельяминов и дьяк Д. Яковлев писали в Москву, что тот пишет в Посольский приказ о «тайных делах», не советуясь с ними, «а думает с толмачи с латыши, и с мужики, и пишут у него тайные дела церковные диячки на подворье у него, и отпускает от себя, и подорожные гонцам дает за своею рукою, без моей Данилковы приписи, и посылает»¹⁴. Вероятно, этот конфликт между воеводами вошел в дело Посольского приказа именно в связи с обвинением в возможном распространении государственного секрета.

Когда принц уже подъезжал к Москве, 22 сентября из Нарвы в Ивангород приехали королевские гонцы. К ним толмачом прикомандировали московского торгового немчина Томаса Брикса; при этом он мог выступать и как толмач, и как переводчик — ивангородские власти дали ему прочесть и перевести подписи на грамотах, которые везли к принцу датчане¹⁵. По всей вероятности, в многоязычном (как думается) приграничном Ивангороде Г.С. Бекетов служил почти уникальную службу — после его отъезда замену найти было непросто, отсюда и обращение ивангородских властей к новому (и чужому в Ивангороде) человеку.

Когда началось движение принца к Москве, важнейшим человеком в коммуникации с принцем стал К. Савастьянов. В Тесове, на половине пути из Ивангорода, поезд принца встретился с возвращавшимся из Москвы датским посланником Петром Размыслом, о встрече с которым послам заранее велели сообщить принцу Хансу. Посланник в Тесове развернулся, проводил поезд до Мокриц, деревни близ Новгорода, а потом поехал с письмом принца к брату, Кристиану IV, в Данию. Подробности разговора, и что именно послал принц королю, «подлинно у королевичевых ближних людей» Салтыков поручил узнать Савастьянову¹⁶. Примечательно, что по сообщению Савастьянова «королевич платейца к брату не послал. А послы короля и ближние люди королевичевы на то его наговаривали, чтоб он вашего царского жалованья послал к брату своему. И королевич им отвечал, что ваше царское жалованье к нем перво, и он принял его с покорностью и радостным сердцем, и послать ему жалованья первого не годится»¹⁷.

¹⁴ Там же. Л. 116–118.

¹⁵ Там же. Л. 245–248.

¹⁶ Там же. Л. 123.

¹⁷ Там же. Л. 130–132.

Важной церемонией был въезд принца в Новгород, когда новгородские власти (воевода кн. В.И. Буйносов-Ростовский и дьяк В. Поздеев) были представлены принцу дьяком И. Грамотиным¹⁸. Принц поселился на Торговой стороне во дворе гостя Ю. Иголкина. В документах, связанных с жизнью принца в Новгороде, в свите королевича упомянут «толмач Нильс», который от имени принца осуществлял общение между ним и боярином Салтыковым (тот счел это не вполне соответствовавшим церемониалу, в частности, официально узнавать о здоровье царя и царевича не лично, а через толмача)¹⁹. Этот толмач Нильс — несомненно Нильс Мунк, судьбе которого посвящено специальное исследование К. Лунда — назначенный в мае 1602 г. в свиту принца переводчик. Интересно, что и при погрузке принца со свитой на корабль в Копенгагене он был назван «Dolmetsch», т.е., толмач [Лунд, 2017].

30 августа 1602 г. Салтыков окончательно распределил обязанности между толмачом Бекетовым и Савастьяновым: первый должен был находиться при королевиче, а второй «вперед... к королевичу ходить вместе с приставами... для покою и для старости»²⁰. Вскоре Савастьянов получил боярское поручение: узнать, каким гардеробом обладает принц и что именно предполагает надеть на аудиенцию у царя. На прямой вопрос Савастьянов не решился и исподволь попытался выяснить это в разговорах с адмиралом Херлуфом и «коморным Робертом», но в выяснении конкретики сперва не преуспел²¹. Только 4 сентября со стана в Яжелбицах Салтыков отправил в Москву сообщение с подробным описанием платья принца Ханса, сочтенного его приближенными лучшим. Адмирал описал Савастьянову, какие материалы («бархат ал скорлатен», а также золотые и серебряные «участки») потребуются в Москве принцу для обновления гардероба²². Из Москвы же присылали очередные указания Салтыкову, чтобы Савастьянов не докучал своими визитами принцу, но «только с опаскою, обо всем бы спрашивал и докладывал... тотчас»²³.

Вскоре Посольский приказ (а может быть, и лично царь Борис) затребовали Савастьянова в Москву. Вместо него к принцу в про-

¹⁸ Там же. Л. 126–129.

¹⁹ Там же. Л. 126–129.

²⁰ Там же. Л. 140.

²¹ Там же. Л. 161–164.

²² Там же. Л. 187–188.

²³ Там же. Л. 186.

вожатые назначили толмача Михаила Юрьева. Видимо, о нем, как о царском толмаче Михаиле («Michell») упоминает Гюльденстиерне [Лунд, 2017]. Из Старицы под Торжок, куда около 10 сентября подходил поезд принца, Юрьев дал знать о своей болезни; несмотря на это из Торжка Савастьянов повернул к Москве, а поезд принца с боярином Салтыковым пошел к Старице²⁴. В Торжке по просьбе принца поезд ненадолго остановился. Это удивило Салтыкова и приставов. Но еще до отъезда Савастьянову удалось выяснить, что датчане просили о задержке в связи с тем, что ожидали из Москвы «золотых и серебряных участков» для украшения гардероба принца Ханса, за которые обещал заплатить адмирал: «И говорит королевич с Клаусом и по ся место часто. Клаус сказывал мне, что говорил с королевичевыми ближними людьми о стоянье, и стоянья королевичу в Торжку не будет»²⁵.

Михаил Юрьев был тут же отправлен в Старицу. Он должен был также доставить для принца царский подарок — аргамача и иноходца «со всеми наряды». Примечательно, что согласно грамоте из Посольского приказа Савастьянов не должен был знать о том, что Юрьев приезжает к нему на смену²⁶. Однако Савастьянов уехал в Москву, а заболевший Юрьев не смог сразу приступить к своим обязанностям²⁷. Некоторое время, по всей вероятности, коммуникация производилась через толмачей принца. Когда в конце октября 1602 г. принц трагически скончался в Москве, толмач посольства Нильс Мунк и царские толмачи некоторое время еще продолжали контакты [Лунд, 2017]. Савастьянов и после кончины Бориса Годунова, в разгар Смуты оставался в Москве [Лаврентьев, 2006].

Важными обстоятельствами, характеризующим период 1584–1605 гг., являются многочисленные начинания, направленные на трансформацию московской жизни, обычно связываемые с личностью Бориса Годунова. История приезда принца Ханса в Москву показывает одно из таких предприятий — попытку создания нового служилого чина — «московских торговых немцев». К ним относился и К. Савастьянов, и служившие при переводах в Ивангороде Иеремя Бракиль и Томас Брикс. Нет сомнения, что из них же происходили и другие переводчики и толмачи эпохи — известные Ганс Бракиль и Эрик Андерссон [Селин, 2017; Korhonen, 1953]. Вме-

²⁴ Там же. Л. 189.

²⁵ Там же. Л. 190–193.

²⁶ Там же. Л. 204, 206.

²⁷ Там же. Л. 209–210.

сте с ними толмаческую службу исполняли ивангородские посадские люди и представитель новгородского служилого люда Гаврило Бекетов. Упомянутые «московские торговые немцы» как особая страта московского служилого общества не пережили Смутного времени.

Литература

- Лаврентьев А.В.* Царь Борис Годунов и ювелир Клаус Савастьянов // Памяти Лукичева. Сборник работ по истории и источниковедению. М., 2006. С. 407–421.
- Лунд К.-Х.* Переводчик Нильс Мунк и языковой аспект датских дипломатических отношений с Россией в первые два десятилетия XVII в. // Вестник МГУ. Сер. 9: Филология. 2017. № 1. С. 7–33.
- Селин А.А.* Карьера «московского немчина» Ээрики Антинпойка: от переводчика до военного комиссара // Русь, Россия: Средневековье и Новое время. Вып. 6: Шестые чтения памяти академика РАН Л.В. Милова. Материалы к международной научной конференции. Москва, 21–22 ноября 2019 г. М., 2019. С. 685–689.
- Селин А.А.* Комплекс материалов коллекции 183 («Новгородские акты») из Научного архива Санкт-Петербургского института истории как источник для изучения визита датского принца Ханса в Московское государство в 1602 г. // Петербургский исторический журнал. 2017а. № 1. С. 162–179.
- Селин А.А.* Смута на Северо-Западе в начале XVII века: очерки из жизни новгородского общества. СПб., 2017б.
- Селин А.А., Закржевская Ю.П.* Датское свадебное посольство 1602 г.: источники и историческая память // Три даты трагического пятидесятилетия Европы (1598–1618–1648): Россия и Запад в годы Смуты, религиозных конфликтов и Тридцатилетней войны. М., 2018. С. 301–320.
- Ульяновский В.И.* Русско-шведские отношения в начале XVII в. и борьба за Балтику // Скандинавский сборник. Вып. 33. 1990. С. 60–75.
- Щербачев Ю.* Путешествие его княжеской светлости герцога Ганса Шлезвиг-Гольштинского в Россию в 1602 г. М., 1908.
- Щербатов М.М.* История Российская с древнейших времен. Т. 7. Ч. 1. СПб., 1904.
- Korhonen A.* Eerikki Antinpoika. Porvoo, 1953.
- Szabad C.* Supplement till den introducerade Svenska adelns ättartavlor, Stockholm, 2008.